

Не осмелюсь сказать, что был другом Миши, но и для меня его уход – большая, личная потеря.

На пятничном семинаре в университете, а потом в ПОМИ я видел его знаковую фигуру, увенчанную чёрной, потом чёрной с проседью, потом совсем седой копной кудрявых волос, в течение почти сорока лет – с 1975 года, когда пришёл туда студентом третьего курса.

Миша в семинарской аудитории, это была такая же фундаментальная константа, как кони Клодта на Аничковом мосту. Была ...

Между прочим, когда я закончил университет, наши "жизненные пути" некоторое время шли параллельным курсом – мы сидели в разных конторах, вероятно, даже недалеко расположенных, и старались заниматься математикой как хобби. Сейчас, в век интернета и архив'a в это трудно поверить, но большую просветительскую роль в те годы играл Реферативный Журнал (РЖ) (советский аналог бумажных Mathematical Reviews). Из него можно было узнать, что происходит в науке. Там всегда было много превосходных мишиных рефератов, так что заметной частью своего послеуниверситетского образования я обязан Мише. Кроме того, читая эти рефераты, я получал какую-то незримую моральную поддержку: могут же люди делать полезные вещи даже в той странноватой обстановке, которая тогда окружала и его, и меня.

Миша принадлежал к редчайшему типу людей – философов от математики, в прямом смысле этого слова. То есть, как мне кажется, его привлекала именно заключённая в математике мудрость, а не какие-то конкретные выдающиеся достижения и результаты. Таких людей настолько мало, что, собственно говоря, других, кроме Миши, мне встречать и не довелось.

От этого философского взгляда на науку идут и разные удивительные мишины качества – и безбрежно широкий научный кругозор, и выбор решаемых задач, всегда вдали от модных тем, но подчиняющийся какой-то одному ему ведомой логике, и нежелание писать, "как все", статьи "в нужном количестве" и докторскую диссертацию, и даже удивительная снисходительность к различным наивным, а подчас и неверным вещам, которые ему приходилось годами слышать на докладах семинара.

Горькая, абсолютно невозполнимая утрата. Одной уникальной краской стало меньше и в картине мировой науки, и в нашей жизни.

Март 2015